

УПРАВЛЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ. ЗАПАДНЫЕ МОДЕЛИ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

Алексей Трубецкой*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-3-76-120-131

Введение. В статье рассматривается специфика развития и исторического наследия партийной системы России и европейских демократических институтов. Исследуются первопричины зарождения народного представительства в политической сфере жизни, проведен сравнительный анализ опыта стран Запада и России. Предмет исследования - Российский социум и политическое устройство современной России. Цель исследования - выявить и обосновать необходимость начать рассматривать возможности реформирования политических институтов с целью создания новой архитектуры законодательной власти в корне отличной от Западной модели.

Материалы и методы. В статье использованы материалы отечественных и зарубежных научных источников. Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и специальные методы: компаративный метод; метод системного анализа; аналитический метод; институциональный метод; исторический метод; цивилизационный и идентитарный подходы.

Результаты исследования. В России эволюция институтов власти, начиная с вечевых собраний и Земских соборов, заложила принципиальные основы правомерности и законности в общественном сознании, которые кардинально отличаются от западной политической культуры Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Вопреки распространенному мнению, в статье делаются выводы об ошибочности веры в аксиому универсальности и безальтернативности западной демократической модели партийной системы, показывается невозможность ее эффективной имплементации в России, вследствие уникальности российской цивилизации и культуры и особенностей духовного, исторического и социального развития.

Обсуждение и заключение. Попытки трансформации российского политического сознания, игнорирующие сложившиеся исторические, социокультурные реалии при построении партийной системы, на сегодняшний день не приносят ожидаемых результатов. Более того, ориентация на западные шаблоны уже не раз подрывала стабильность и единство России, что означает вероятность

---

* **Трубецкой Алексей Юрьевич**, доктор психологических наук, профессор, руководитель Фонда «Российский общественно-политический центр» («РОСПОЛИТИКА»), Москва, Россия
e-mail: president@ruppc.ru
ORCID ID: 0000-0002-4309-4137

возникновения нового кризиса в будущем, если страна откажется от формирования своего подхода к управлению в политике. Необходимо начать обсуждение возможностей создания новой архитектуры законодательной власти в корне отличной от моделей иной нам Западной цивилизации.

Введение

Первые политические партии появились в России в конце XIX века как идейно-интеллектуальные кружки, а потом и как объединения единомышленников. Они были немногочисленны, однако в силу Высочайшего Манифеста 17 октября¹ 1905 года, их мысли и идеи быстро стали достоянием широких масс. Манифест был принят в ответ на «смуты и волнения в столицах и в местностях Империи», и в надежде эти напасти прекратить, даровав «населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [15. С. 754]. Дарованными свободами воспользовались пропагандисты, их работа расшатывала государственность вплоть до разрушения Российской Империи в 1917 году. В первую Думу 1906 года вошло 7 партий из полусотни существовавших в России. К 1917 году российская политическая партийная картина представляла собой броуновское движение из десятков значимых и сотен малозначительных партий [13. С. 14-20].

После развала Советского Союза в России вновь возникло множество политических партий, которые означали для граждан бывшего СССР обещанную многочисленными активистами восьмидесятых свободу. Бывших советских граждан, воспитанных в духе прогресса и материализма, очень радовала возможность выбирать не безальтернативную многие годы КПСС, а ту партию, которая им нравилась. То есть им нравилась возможность выбора как таковая. Неискушенные советские люди тогда еще ничего не знали о лукавстве западной демократии, которую им предлагали внедрить вместо тоталитарной модели позднего СССР. Демократия в период перестройки и первых реформ представлялась социуму некой ранее

скрытой от него истиной, которая много лет была для советских людей желанным, но запретным плодом. Также важно, что агитаторы активно рассказывали, а люди верили в то, что эта сияющая истина сделает их всех поголовно богачами, сказка голливудских фильмов станет былью. Она и стала, но для совсем незначительной, на уровне погрешности, части населения бывшего СССР.

После первых «результатов» реформ, трагических событий осени 1993 года и первых выборов в Госдуму в декабре 1993 года демократам-реформаторам пришло понимание, что больше на самотек развитие партийной системы в стране пускать нельзя - слишком велики риски потерять управляемость и власть, чудом оставшуюся в руках. Необходимо было создавать управляемую политическую реальность. Началось с создания партии, которая по замыслу младореформаторов объединяла бы элиту и простых избирателей вокруг двух базовых идей - противостоять «проклятым» коммунистам и поддержать некую «правильную» власть, которая знает как лучше и демократичнее для народа. Эта инициатива не была реализована по ряду причин, на смену ей пришла идея архитектуры двухпартийной системы, за образец, естественно, была принята модель США. Но с учётом реалий исторического опыта и национального сознания России, в результате получился некий гибрид: четырехпартийная система, которая была трудно управляема и в определенных параметрах обременительна для самой власти, а для только формируемого гражданского общества не очень понятна и убедительна, а значит и не очень-то легитимна. Что всегда оставалось за скобками.

В чем причина того, что новые возможности, появившиеся после развала СССР не дали позитивных результатов? Российская цивилизация, занимающая значительную часть Европы, со времен Петра Великого попала под сильное культурное, интеллектуальное

¹ Отсюда партия Октябристов - члены праволиберальной партии «Союз 17 октября», созданной после опубликования Николаем II Манифеста 17 октября 1905 г.

европейское влияние идущей там эпохи модерна. При этом попытки модернизации, переноса из Европы в Россию идей Просвещения, экономических стандартов, а позже и политической архитектуры происходили с попеременным успехом на протяжении более чем последних трех столетий российской государственности [23. С. 22-25]. За это время сложился устойчивый научный подход и соответствующая практика изучения России, не как отдельной цивилизации, коей она несомненно является, согласно Данилевскому [5], Шпенглеру [19], Тойнби [17], Хантингтону [20], но как некоей страны, развивающейся по европейскому пути, только с отставанием на полвека. И альтернативный подход состоящий в том, что российское государство и его развитие надо изучать самостоятельно, а не по западным лекалам, долгое время считался почти что псевдонаучным [7. С. 142-144]. В более безапелляционном околонучном дискурсе подход к изучению России как Российской цивилизации маркировался как конспирологический или националистический.

Такая борьба идей важна не только для теоретических исследований, поскольку идея стоит в центре идеологии, и на этом фундаменте выстраиваются политики и практики государственности. Это корневые причины недостаточной эффективности политических институтов. Поэтому следует сфокусировать исследование именно в этом направлении. Почему партийно-политическая система в современной России живет по формуле Виктора Степановича Черномырдина: какую партию не строй, получается КПСС. Выявить подобные закономерности и указать на естественные для России формы управления и является целью этой работы.

Исследование

Де-факто партии в современной России никогда не являлись инструментом представительства каких-либо групп и их интересов в их классическом понимании, а были надстройкой имитационного, или скорее, манипуляционного характера. Это наглядно показали и последние три электоральных циклах выборов, законодательной и исполнительной власти на всех уровнях, когда микропартии-«призраки» использовались для оттягивания голосов либерального

электората или коммунистов. Неудивительно, что политические партии являются сегодня одним из самых непопулярных институтов гражданского общества – по данным многолетних исследований, индекс доверия к политическим партиям всегда несколько ниже индекса доверия к СМИ, а к РПЦ – минимум в два раза, не говоря уже об индексе доверия к Президенту РФ – разница в три раза [1. С. 51-68].

Возможное и очень вероятное объяснение этого феномена скрывается в понимании института политических партий в его западноевропейской модификации, в которой он появлялся в 1906 году и вновь оказался у нас в стране в 1993 году, но чужероден для российской политической культуры и для общественного сознания. Предлагаемая западная модель отторгается не в силу каких-то текущих объективных или субъективных обстоятельств, а не принимается самой системой общественно-политических и исторических практик и соответственно общественным сознанием нашей страны. Так уже было в начале XX века, когда партии впервые появились в стране, также произошло и в результате эволюции большевистского режима, а сегодня похожие процессы могут начать повторяться. Первопричина проблематики построения эффективной системы политических партий, встроенных в государственное управление, на отечественной почве – это глубинная разница между западноевропейской и русской историей и культурой, практикой и общественно-политическим развитием, опытом и характером взаимоотношений между властью и обществом, и как результат, различия в общественно-политическом национальном сознании россиян и западноевропейцев с американцами.

Генезис современного западного парламентаризма

Современные политические партии – это результат эволюционирования общественно-политических практик Западной Европы, уходящих корнями в античность. Афинская демократия, приговорившая Сократа – это несмыслимый первородный грех всей демократии. Чеканная формула S. P. Q. R. – *Senatus Populus Quiritium Romanus*², заменяемая сегодня на миллиарды дешевых сувениров для туристов, более не имеет сакрального смысла. Да и вообще никакого

² Лат. Сенат и народ Рима.

смысла. Западноевропейская демократия сегодня фикция, и часто используется как механизм легитимизации ряженных и психически неадекватных, репрезентующих не народ, а группы меньшинств, поддерживаемые и финансируемые структурами глобального deep state.

Процесс формирования политических партий формально начался в конце XVIII века в период Великой французской революции, далее ВФР. Это были парламентские объединения, прообразы современных политических партий. К середине XIX века политические партии в современном понимании, существовали только в США, где они возникли в начале XIX века, как результат противостояния федералистов, выступавших за сильное централизованное правительство и республиканцев, исповедующих конфедеративную политическую систему. В России появление политических партий началось в самом XX в., и здесь на поверхности находится вроде бы очевидный вывод о том, что Россия и здесь пошла по западноевропейскому пути, но с полувековой задержкой развития [6. С. 24-26]. Это не так, институт квазиполитических партий-кланов в европейской культуре существовал столетиями, видоизменяясь/эволюционируя от античности и до Просвещения.

Противоборствующие, часто до крови, группы в античных республиках или кланы, сплочённые вокруг крупных феодалов в средневековой Франции, сюда же можно отнести Фронду (1648-1853), далее, объединения депутатов революционных ассамблей эпохи ВФР, различные комиссии и комитеты по выборам в европейских конституционных монархиях - вот матрица, сформировавшая современную Западную политическую партийную систему. Партии нацелены на выполнение определенных партийных задач: участия в борьбе за власть и/или влияния на принятие властью решений, необходимых партии. В качестве примера можно привести избирательные комитеты в Великобритании периода XVIII - XIX вв., из которых эволюционировала Консервативная партия. Такие комитеты часто представляли собой группу из нескольких единомышленников, состоящих в давних дружеских отношениях и зависимых от них персон для обеспечения избрания или переизбрания их лидера. Прообраз этой схемы - дихотомия патрон / клиент, появившаяся в Риме еще в V веке до н.э., в то время имеющая больше экономических особенностей, чем политических.

Римская клиентела «регулировалась обычаями и защищалась религиозными санкциями» [3. С. 481-483]. В поздней Римской республике клиентела эволюционировала и приобрела более выраженные политические признаки, что было обусловлено особенностями постоянно проходящих в Риме выборов.

Как и в античном Риме, в развитии парламентаризма Великобритании, во многом ставшего затем паттерном для остальной Европы, большую роль играла покупка голосов, чуть более цивилизованная и регламентированная, чем в античности, но такая же по сути. В течение длительного времени английские министры обеспечивали себе большинство, покупая голоса, и это явление имело почти официальный статус - в Палате представителей даже существовало «окошечко», где парламентарии могли узнать цену своего голоса в момент баллотирования. В 1714 году в Англии появилась должность политического секретаря казначейства, ответственного в том числе и за указанные финансовые схемы, который контролировал распределение средств среди парламентариев, а также их голосование и выступления - позднее эта должность секретаря трансформировалась в партийного организатора, играющего важную роль в ведущих политических партиях Великобритании [9. С. 2-7]. В США и Канаде подобные схемы в итоге эволюционировали в ряд законов о лоббизме [10. С. 161-163].

Политические партии Европы и США в их современном виде - это продукт длительной эволюции, органическая часть, присущая этим географическим частям света, цивилизационным кодам, политической культуре и, как следствие, общественному сознанию, развитие которых происходило столетиями и в рамках конкретных экономических и политических условий. Одним из европейских априорных данных является фракционная и иерархичная структура общества, источником которой был феодализм с его сложной системой взаимодействия между сюзереном, вассалом и Ватиканом. Такое устройство имело следствием стремление фракций к некоему обособлению: города хотели иметь больше независимости от феодалов (институт вольных городов), цеха ремесленников хотели больше прав в своих городах, феодалы стремились к меньшей зависимости от власти Сюзеренов, которые, в свою очередь, искали пути избежать диктата католического Рима,

что в итоге вылилось в Реформацию, и т.д. Таким образом, вся западноевропейская политическая практика представляет собой борьбу за обособление и суверенизацию.

Второе важное обстоятельство, сформировавшее западноевропейскую политическую культуру, имеет религиозные основания. Христианство, в его классическом прочтении, всегда проповедовало постулат *Власть от Бога*. В Западной Европе это трансформировалось в политическую доктрину легитимности «божественное право королей». Но при этом западное общественное сознание, соглашаясь с исходным постулатом, считает вполне легитимным обретение власти в процессе борьбы за нее. Такой политико-социологический феномен является естественным следствием феодального устройства Западной Европы: монарх становился легитимным помазанником Божиим только после одобрения Ватикана. До этой легитимизации он оставался «первым среди равных», чей статус мог быть оспорен или другим «равным», или властью Рима. Вследствие этого, в западной политической культуре эта возможность зафиксирована как априорная. Общество и власть закольцованы в непрекращающемся конкурентном взаимодействии, суть которого в том, что политические институты и их лидеры стремятся стать властью, и такое положение вещей абсолютно естественно как с точки зрения закона, так и устоявшихся религиозных и исторических традиций и политических практик, и, соответственно, общественного сознания. В западной политической культуре борьба за власть - это не вызов божественному миропорядку, а устоявшийся в общественном сознании формат функционирования общественной и государственной политической системы. В свою очередь, отношения между государством и общественными институтами не имеют жесткой иерархии, скорее они взаимодействуют как почти равные политические субъекты, всегда готовые к тому, что их статус может меняться.

В-третьих, как следствие первых двух, - это приоритет индивидуальных и групповых интересов над общими, которые являлись движущей силой всей западноевропейской истории и в конфликтном взаимодействии которых появлялись и трансформировались политические институты. Консенсус через конфликт, вплоть до военного, как между группами и индивидуумами, так и между политическими институтами, является основным свойством общественного развития Западной цивилизации.

Важная роль в этой борьбе отводится политическим партиям, но в фактическом, а не формальном смысле, которые являются традиционными инструментами представительства групповых интересов и согласования этих интересов, в том числе, в их борьбе за саму власть [18. С. 70-74]. Институтом представительства таких групповых интересов является парламент. Это означает, что западноевропейские политические партии составляют одно целое с парламентаризмом. В современный парламентаризм уже органично вшита потребность и необходимость ограничения общего в пользу частного, и вне такой парадигмы парламенты в настоящее время ни работать, ни существовать не могут. Это, четвертое, фундаментальное обстоятельство, влияющее на политическую культуру работы парламентов.

Если обратиться к тезисам немецкого философа и социолога Макса Вебера о переходе от традиционного общества к современному, т.е. от религиозности общественного сознания к десакрализации, рационализму и секуляризации, в основе которого лежала протестантская этика, то картина с западноевропейскими партиями становится еще более понятной [2. С. 5-18]. Протестантская этика снимает смысловые, организационно-институциональные и ритуальные опосредования отношений между человеком и Богом, т.е. на первый план выходят индивид с его самостоятельностью и независимостью, в том числе от церкви, духовенства и ритуала. Ключевым элементом является индивидуальная вера [8. С. 98-105].

В результате в западном мире сформировалась своя, особая этическая система общественно-политической жизни, которая существенным образом отличается от российской.

Это различие убедительно доказал советский психолог и математик В. Лефевр. В западной этической системе компромисс добра и зла считается злом, а конфронтация - добром. В российской иначе: компромисс добра и зла - это добро, а конфронтация - зло. Вот тот водораздел между культурами, который порождает разное политическое поведение и часто непонимание на переговорах.

Для иллюстрации различия в поведении представителей различных этических систем интересны данные, которые получил В. Лефевр еще в 1982 году, опросив американских граждан и русских выходцев из СССР:

- С утверждением «Доктор должен скрывать от пациента, что тот болен раком, чтобы уменьшить его страдания» согласились 8% американцев и 89% советских.

- С утверждением «Хулиган может быть наказан строже, чем требует закон, если это послужит предостережением для других» согласились 11,5% американцев и 84,5% советских.

- С утверждением «Можно дать ложные показания на суде, чтобы помочь невинному избежать тюрьмы» согласились 20% американцев и 65% советских.

- С утверждением «Можно послать шпаргалку чтобы помочь близкому другу на конкурсном экзамене» согласились 8% американцев и 62% советских.

Здесь очевидно, что западная этическая система опирается на формальные правила, а советская (российская) этика на морально-нравственные [11. С. 58]. И это еще одно, пятое свойство политической культуры Западной цивилизации, отличное от свойств цивилизации Российской.

Российская политическая культура

Российская политическая культура наследует иной исторический опыт, базируется на принципиально иных ценностях, иных исторических традициях и [12. С. 40-41]. И, соответственно, на иных этических принципах. Первое и главное, это различия между протестантской и православной этикой, которые не позволили российскому общественному сознанию в XIX – XX вв. осуществить в полной мере переход от традиционного теоцентричного сознания к «современному» человекоцентричному, рациональному и секуляризованному сознанию, лишённому божественной сакральности или, как минимум, его традиционной морально-нравственной этики и ценностей. Именно об этом писал в своей работе 1957 году «Характер русского народа» русский философ Н.О. Лосский: «Основное свойство русского народа есть его религиозность и связанное с ней искание абсолютного добра Царства Божия и смысла жизни, снижающееся при утрате религии на степень стремления к социальной справедливости в земной жизни» [12. С. 86]. Духовное выше материального³.

Во-вторых, в российской культуре и обобщимой истории не было каких-либо общественных институтов, обслуживающих или защищающих чьи-то интересы или интересы каких-либо групп, за исключением существующей власти, служения князю, царю, государю-императору и Отечеству. Власть выше собственности, служение выше владения. Известно обратное – образование каких-либо групп и объединений, рассматривалось как заговор и измена против божественной власти и каралось смертной казнью. Такое положение дел вполне понятно объясняется отсутствием феодализма в России, в его западноевропейском понимании.

И, в-третьих, феномен взаимодействия общества и власти, общественная потребность в справедливости, породила отличную от западной партийно-парламентской модели форму общественно-политического представительства – вече, сход, собор, собрание. Соборность, опирающаяся на православную этику, в основе которой лежит не индивидуализм и самостоятельность (в т.ч. в вопросах веры), а убежденность в необходимости обсуждения и решения возникающих проблем только сообща, совместно, вместе. Убежденность эта – из ощущения каждого частью *единой, Святой Соборной и Апостольской Церкви*⁴. Общее выше личного, справедливость выше закона.

Соборность нашла свое органичное воплощение в Народных вече начала XI века и российских Земских соборах XVI-XVII вв., которые вопреки распространенному мнению не являлись аналогом британского парламента или французских Генеральных штатов. Земские соборы использовали организационные формы и опыт поместных церковных соборов, который был лучше всего приспособлен к общественному сознанию русского государственного устройства.

Следует отметить еще несколько моментов, отличающих соборную политическую культуру от западной парламентской политической культуры, «плоть от плоти» которой являются политические партии. Западная политическая культура (в основе которой лежит все та же протестантская этика) рационалистична в своих исходных посылах и конечных устремлениях, а также чрезвычайно технократична [22. С. 245-271].

³ В анализ включена система классических этических принципов, часто называемых «Пять выше».

⁴ *Во единую Святую, Соборную и Апостольскую церковь.* Фрагмент молитвы *Верую* – православного символа веры.

В противоположность этому, соборная культура ориентирована на достижение общих, высших целей; она может быть иррациональна и принципиально надинституциональна и феноменологична.

«Церковь не ограничивается никаким местом, ни временем, ни народом, но заключает в себе истинно верующих всех мест, времен и народов. Вселенский собор в православии является единственным правомочным выразителем воли Церкви и Иисуса Христа, как его главы»⁵.

В западной культуре «мирское» носит эгалитарный характер: люди и институты на равных разбираются между собой, пытаются обрести «святой дух капитализма», строя рациональные, бездуховные симулякры царства божия на земле. Тогда как в православной культуре Царство Божие находится на небесах, а задача власти – её право и долг – строить на земле его подобие, «домостроительство благодати Божьей».

В результате в российском общественном сознании Собор духовно объединяет всех его участников и является символическим представителем всего общества и в этом качестве мыслится и действует как некое мистическое единство. Его участники представляют не отдельные слои, сословия или части общества, которые через Собор получают возможность поддерживать постоянное общение между собой и выработать друг с другом общую политическую линию (как это характерно для западной политической культуры) – они «представляют» общество в целом. Это противоположная атомизму (индивидуализму) протестантизма онтология холизма, где целое больше суммы частей.

Для соборного политического сознания все функции представительства сводятся, по сути дела, к одной. Собор, если его можно назвать институтом, выступает как представитель общества «в целом» в его отношениях с властью [21. С. 153-155]. Собор – это целокупность, имеющая единую цель. Поэтому в России внутри представительного органа принцип антифракционности является характерной установкой именно соборного политического сознания и особенностью соборной модели политического представительства. И шире: негативное отношение к любой частной позиции в отличие

от западной политической культуры с ее приоритетом защиты частного перед общим, из которого и выросли политические партии.

Такое понимание единства общества, в первую очередь духовного, делает существование представительных институтов вообще необъяснимым, как и инструментов их формирования в виде политических партий. В обычных условиях власть, как единственный легитимный орган принятия решений и единственный реальный субъект политического действия, прекрасно обходится без них, а если они и создаются, то функционируют исключительно в совещательном режиме или в виде очередной политической «загогулины», как это происходило у нас в стране после либеральной контрреволюции 1993 года. Контроль представительного органа над властью (в частности, в вопросах распределения денег – принятия бюджета) в рамках соборной политической культуры вообще не обязателен, так как власть и общество в общественном сознании представляются единым целым, объединенным общей целью построения будущего «Яко на небеси и на земли».

Соборная политическая практика, исторически зародившаяся еще из политической культуры народных вече с начала II тысячелетия, укрепляла или ослабляла свое влияние на государственное управление, но никогда не являлась противовесом или «оппозицией» верховной власти. Тем более она не трансформировалась в парламентаризм, как в странах Западной Европы, потому что никогда не имела своей целью получение/отъем власти у главы государства. Основная роль Соборов состояла в участии в управлении государством Российским во главе с царем-самодержцем, а не в ограничении или ослаблении его власти [16. С. 57]. Если мы обратим внимание, например, на современную работу Государственной Думы с бюджетом и законами, то увидим тому подтверждение – последние годы бюджет и контроль за ним полностью подконтрольны Правительству и Президенту РФ и уж точно не партиям, которые выполняют соборную функцию аккламации.

Справедливости ради надо сказать, что парламент на Западе в целом иногда может выступать в качестве совокупного

⁵ Святой Филарет (Дроздов) Пространный Православный Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви. URL: http://azbuka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/prostrannyj-pravoslavnyj-katekhizis/2_11. (Дата обращения: 19 сентября 2025 г.).

представителя всего общества, но такой подход редко выступает на первый план, разве что в экстремальных ситуациях для объединения нации в случае войны. Собор же рассматривается и действует как единое целое, постоянное, представляя общество в целом: если внутри него и есть различия (в подходах, позициях, интересах), это считается недостатком и, как правило, не приветствуется. Соборная модель по определению не предполагает плюрализма, а предусматривает принцип «дополнительности». Парламентская же модель исходит из того, что наличие в представительном органе групп (партий), выражающих и отстаивающих разные интересы, не просто естественно – оно-то и есть основа и суть данного института.

В соответствии с этим, основной функцией Парламента считается согласование различных групповых интересов и поиск, как правило, взаимоприемлемых решений. Дебаты и переговоры – основное занятие парламентария. Собор же, как «представитель» общества в его взаимоотношениях с властью, нужен лишь постольку, поскольку он легитимизирует власть, либо отказывает недостойному соискателю в легитимизации. Он и собирается тогда, когда власти надо посоветоваться с обществом или когда власть по каким-то причинам утрачивает легитимность и нуждается в новом подтверждении своей законности. Собор призван сказать или «да», или «нет», или озвучить глас народа, что и придает его деятельности выраженный плебисцитарный характер.

Применение западных политических моделей управления в России

Российская соборная политическая культура всегда плохо сочеталась с институтом политических партий, который рано или поздно, как чужеродное тело, становился враждебным сложившейся системе государственного управления. Свидетельством тому

служит история Государственной думы до-революционной России: от первой Думы (1906) до четвертой, агрессивно оппозиционной, работа которой была приостановлена указом императора Николая II⁶.

В предреволюционный период в неприязни партийно-парламентской системы были едины только славянофилы, тогда как революционеры (Ульянов-Ленин) и консерваторы (К. Победоносцев), в том числе и умеренного толка (П. Столыпин, В. Кокцов) были в целом сторонниками западной модели парламентаризма. При этом они пропагандировали создание неких общероссийских партий, но каждый на своем фундаменте. Либеральные политики, пытавшиеся сделать из России конституционную монархию (Партия конституционных демократов П. Миллюкова и др.), со временем перешли на антимонархические позиции, разрушая систему государственной власти и управления, а не инкорпорируя в нее «передовые» элементы западной политической культуры. Намерение же монархистов институализировать свою верность короне в виде политической партии – Союз русского народа (опять «союз», опять всего народа), как противовеса антигосударственным силам, сыграло с ними дурную шутку. В результате один убежденный монархист В. Пуришкевич участвовал в убийстве Распутина, что стало серьезным ударом для Николая и его семьи, а другой убежденный монархист В. Шульгин⁷ оказался одним из активных действующих лиц оппозиционного «Прогрессивного блока», фактически принявший из рук Николая II подписанное отречение, положившее начало хаосу, большевистской революции, диктатуре пролетариата, Гражданской войне, Красному террору [13].

Таким образом, в условиях тяжелейшей войны политические партии в Российской империи действовали на ослабление государственной власти как вирус, несущий

⁶ После нескольких неудач русской армии на фронте возник серьезный внутривластный конфликт Думы и исполнительной власти. 25 февраля 1917 г. Николай II издал указ о прекращении заседаний Думы до апреля того же года. Несмотря на это Дума продолжила собираться на частных совещаниях и стала одним из главных центров оппозиции императору. 27 февраля ее членами был образован Временный комитет Государственной Думы, который фактически стал выполнять обязанности верховной власти, сформировав Временное правительство. Официальная платформа ГД РФ. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/> (Дата обращения 19.09.2025).

⁷ Василий Витальевич Шульгин, в 1947 году был приговорен к 25 годам заключения, до 1956 года отбывал наказание во Владимирском центре; в 1964 году, будучи глубоким седым старцем, стал главным спикером в интереснейшем, этой прямой речью, документальном фильме «Перед судом истории», до распада СССР пролежавшим на полке. В фильме много воспоминаний о событиях 1917 года.

западноевропейское понимание «прав и свобод», направленный на атомизацию, разъединение общества.

Философ, публицист, известный славянофил, участник реформы 1861 года по отмене крепостного права Самарин Ю.Ф., говоря о пропагандистах, продвигающих в России западную модель политического устройства, выделил крайне важную деталь. В малоизвестной его дискуссии с Герценом в 1864 году Самарин высказал революционеру Герцену обвинения в непонимании сути российского уклада, поскольку тот «иссушил мозг, ослабил нервную систему целого поколения, а при этом не хочет понять главное различие между контрактом и доверием», так как политическая система России основана на доверии между властью и народом, а на Западе она основана на контракте, на договоре [4. С. 380-400].

Следует отдельно отметить, что власть в сталинском и особенно в позднем СССР в итоге была построена на основе соборной политической культуры, «природа взяла свое» – архетипы оказались сильнее – коллективное бессознательное не может исчезнуть бесследно, хотя, конечно, годы диктатуры пролетариата сильно изменили культурные коды.

Противостояние Съезда народных депутатов прозападному правительству условно-дееспособного Ельцина – это именно противостояние последнего Красного Собора. И сегодня, спустя более 30 лет, отчетливо видно, что это было именно цивилизационным противоречием. Съезд народных депутатов, заседания которого шли несколько лет в прямом эфире, хотя и напоминал политический винегрет, в итоге проявил патриотическое единство, пытаясь противодействовать антинародной экономической политике «шока без терапии». После трагических событий октября 1993 года и разгона Съезда в декабре прошел плебисцит по новой компрадорской конституции и одновременно избралась первая Государственная Дума. Население, измученное годами экономических реформ, равнодушно подчинилось. Началась новая эпоха парламентаризма в России, который вопреки своим изначальным западным установкам, каждую итерацию эволюционировал все дальше от западной модели.

Заключение

Относительно короткий период нестабильности и хаоса девяностых закончился началом формирования новой по своим внешним компонентам, но архетипичной по сути, политической практики вокруг сильной власти, имеющей все признаки соборности.

Этот позитивный процесс осложняется стремлением современной политической элиты сохранить партийный фасад парламентской демократии, который, как было выше показано, в исторической перспективе и практике не свойственен российской политической культуре и общественному сознанию, не учитывает ее исторический опыт, практики и реалии. Парламентаризм – институт иной цивилизации, который в российских реалиях не эффективен.

Последние 40 лет мы являемся свидетелями разрушительных процессов в общественном сознании, в том числе политическом. Происходит процесс разрушения российской и «советской» соборности, других традиций и ценностей, доставшихся нам в политическое наследие. Мы видим их демонтаж с помощью «современных» техник и практик, западных реформ образования, насаждения толерантности и десакрализации института церкви, при активном участии современных политических партий, «партий-призраков», при поддержке целого ряда фондов, центров и НКО, ведущих когнитивно-психологическую войну против России.

Сегодня, несмотря на успехи в построении вертикали власти, на всех уровнях управления, вирус либерализма продолжает губительное для страны и общества действие, разъедает как ржавчина несущие цивилизационные колонны, исторические традиции и скрепы общественного сознания. Это стало особенно очевидно в связи с началом СВО, когда все либеральные персоналии и организации как по команде сплотились в легион и резко включились в информационную войну против России.

09.11.2022 года Президент России подписал Указ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁸,

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Официальная платформа Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Дата обращения 19.09.2025.).

в котором поставил ряд задач, первостепенная из которых: защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. В этом важнейшем документе даны четкие определения: традиционные ценности - это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Особенно важны пункты 13, 14, 15 данного указа.

«13. Угрозу традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России.

14. Идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (далее - деструктивная идеология), включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

15. Деструктивное идеологическое воздействие на граждан России становится угрозой для демографической ситуации в стране».

В стране начата большая работа по защите нашей цивилизации, это государственная политика. Начата работа по реформированию системы исторического и гуманитарного образования. Все это безусловно вселяет оптимизм.

Созданные по западной модели «современные» политические институты России показали, что они не обеспечивают успешного прихода в страну новой формы демократического и политического устройства. Как мы видим, традиционное соборное начало сохраняется, а для общественного сознания оно порой оказывается сильнее. Исходя из этого, возникает вопрос: нужно ли реформировать партийную систему России в соответствии с глубинными основами отечественной политической культуры и исторической практики, или стоит продолжать внедрять новые, чуждые для нашего национального общественного сознания и самосознания институты? Насколько целесообразно продолжать имплементировать иностранные шаблоны нашему политическому сознанию, навязывая обществу чуждые практики? И если реформировать, то с чего начать, не с признания ли необходимости начать обсуждать эту очевидную цивилизационную разницу? Без ответов на эти вопросы авторитет и народная поддержка партии власти будет неуклонно падать, а при сильной власти сами партии все больше будут приобретать имитационный характер, дискредитируя себя и саму власть. На такой основе будет ослабевать и доверие народа к власти, а образ будущего - «Яко на небеси и на земли» - меркнуть. Ответы на эти вопросы существенным образом влияют на задачи власти в управлении политическими реалиями в стране.

Литература:

1. Бенц Д.С. Долгосрочные тренды доверия к общественным и социально-политическим институтам // Вестник Челябинского государственного института. 2022. № 11(469). С. 51-68.
2. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., СПб., 2016.
3. Всемирная история. Т. 1. Древний мир. М., 2019.
4. Гиренок Ф.И. «Пато-логия русского ума. Картография дословности» М., 1998.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2011.
6. Дмитриев М.Н. Парламентаризм и демократия в России // Власть. № 9. 2009. С. 24-26.
7. Еремян В.В., Еремян Э.В. Должна ли Россия копировать «западную» модель демократии в том виде, как мы её знаем? (часть I) // Правовая политика и правовая жизнь. № 1. 2022. С. 141-161.

8. Зайченко А.С. Религиозная культура и развитие экономики в странах Европы // Современная Европа. 2008. № 1. С. 97-109.
9. Колмаков М.А. Феномен коррупции 1720–1740 годов в высших эшелонах власти Великобритании // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1(31).
10. Кремянская Е.А. Правовые аспекты регулирования лоббизма в Соединенных Штатах и Канаде // Вестник МГИМО-Университета. № 2(35). 2014. С. 161-168.
11. Лефевр В.А. Алгебра совести. М., 2003.
12. Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 1990.
13. Никонов В. Октябрь 1917. М., 2017.
14. Новичков Н.В. Европа и Россия: два пути к демократии // Современная Европа. № 3. 2008. С. 2-41.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1908. Т. 25.
16. Селькина Ж.В. Земские Соборы в системе управления российским государством // Огарёв-Online. № 12. 2023. С. 1-7.
17. Тойнби А. Постижение истории. М., 2019.
18. Трунтягин А.А. Политические партии и демократическое правление // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 3. 2010. С. 68-75.
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
20. Шпенглер О. Закат Западного мира. Полное издание в одном томе. М., 2017.
21. Яцкова А.П. Зарождение идей конституционализма в России (XV—XVII вв.) // Вестник Московского университета МВД России. № 3. 2012. С. 153-155.
22. Woodberry R. The Missionary Roots of Liberal Democracy // The American Political Science Review. Vol. 106. No. 2 (May 2012). P. 244-274.
23. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. No. 3. 1993. P. 22-49.

MANAGEMENT IN POLITICS. WESTERN MODELS AND RUSSIAN REALITIES

Introduction. *The article examines the specifics of the development and historical legacy of the Russian party system and European democratic institutions. The root causes of the emergence of popular representation in the political sphere of life are investigated, and a comparative analysis of the experience of Western and Russian countries is carried out. The subject of the research is the Russian society and the political structure of modern Russia. The purpose of the study is to identify and substantiate the need to start considering the possibilities of reforming political institutions in order to create a new architecture of legislative power radically different from the Western model.*

Materials and methods. *The article uses materials from domestic and foreign scientific sources. The methodological basis of the research is based on the following general scientific and special methods: comparative method; method of system analysis; analytical method; institutional method; historical method; civilizational and identitarian approaches.*

The results of the study. *In Russia, the evolution of government institutions, starting with the Veche assemblies and Zemstvo Councils, has laid the fundamental foundations of legitimacy and legality in the public consciousness, which are radically different from the Western political culture of Great Britain and the United States of America. Contrary*

to popular opinion, the article draws conclusions about the fallacy of believing in the axiom of universality and the lack of alternatives to the Western democratic model of the party system, shows the impossibility of its effective implementation in Russia, due to the uniqueness of Russian civilization and culture and the peculiarities of spiritual, historical and social development.

Discussion and conclusion. *Attempts to transform Russian political consciousness, ignoring the prevailing historical and socio-cultural realities in building the party system, are currently not yielding the expected results. Moreover, orientation towards Western patterns has repeatedly undermined Russia's stability and unity, which means that a new crisis is likely to arise in the future if the country refuses to form its own approach to political governance. It is necessary to start discussing the possibilities of creating a new architecture of legislative power that is fundamentally different from the models of another Western civilization.*

Alexey Yu. Trubetskoy,
Doctor of Sciences (Psychology),
Professor, Head of the Foundation
"Russian Social and Promotion Center"
(Rospolitika), Moscow, Russia

Ключевые слова:

политические партии, политическая культура, общественное сознание, политические институты, парламентаризм, государственная власть, политическая система, Земские соборы, христианство, православие, протестантизм, Западная Европа и США.

Keywords:

political parties, political culture, public consciousness, political institutions, parliamentarism, state power, political system, Zemsky Sobors, Christianity, Orthodoxy, Protestantism, Western Europe and the USA.

References:

1. Benc D.S., 2022. Dolgosrochnye trendy doveriya k obshchestvennym i social'no-politicheskim institutam [Long-term trends in trust in public and socio-political institutions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo instituta [Bulletin of the Chelyabinsk State Institute]*. №11 (469).
2. Veber M., 2016. Izbrannoe: Protestantskaya etika i duh kapitalizma [Selected works: Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow.
3. Vsemirnaya istoriya. 2019. T. 1. Drevnij mir [World History. Vol. 1. Ancient world]. Moscow.
4. Girenok F.I., 1998. Pato-logiya russkogo uma. Kartografiya doslovnosti [Pathology of the Russian mind. Cartography literally]. Moscow.
5. Danilevskij N.Ya., 2011. Rossiya i Evropa [Russia and Europe]. Moscow.
6. Dmitriev M.N., 2009. Parlamentarizm i demokratiya v Rossii [Parliamentarism and democracy in Russia]. *Vlast' [Power]*. № 9.
7. Eremyan V.V., Eremyan E.V., 2022. Dolzhna li Rossiya kopirovat' «zapadnuyu» model' demokratii v tom vide, kak my eyo znaem? (chast' I) [Should Russia copy the "Western" model of democracy as we know it? (Part I)]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' [Legal policy and legal life]*. № 1.
8. Zajchenko A.C., 2008. Religioznaya kultura i razvitie ekonomiki v stranah Evropy [Religious culture and economic development in European countries]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*. № 1.
9. Kolmakov M.A., 2017. Fenomen korrupcii 1720–1740 godov v vysshih eshelonah vlasti Velikobritanii [The phenomenon of corruption of 1720-1740 in the highest echelons of power in Great Britain]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Bryansk State University]*. № 1(31).
10. Kremyanskaya E.A., 2014. Pravovye aspekty regulirovaniya lobbizma v Soedinennyh Shtatah i Kanade [Legal aspects of lobbying regulation in the United States and Canada]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO University]*. № 2(35).
11. Lefevr V.A., 2003. Algebra sovesti [Algebra of conscience]. Moscow.
12. Losskij N.O., 1990. Harakter russkogo Naroda [The character of the Russian people]. Moscow.
13. Nikonov V., 2017. Oktyabr' 1917 [October 1917]. Moscow.
14. Novichkov N.V., 2008. Evropa i Rossiya: dva puti k demokratii [Europe and Russia: two paths to democracy]. *Sovremennaya Evropa [Modern Europe]*. № 3.
15. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e. 1908. T. 25. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection of the 3rd. Vol. 25]. Saint Petersburg.
16. Sel'kina Zh.V., 2023. Zemskie Sobory v sisteme upravleniya rossijskim gosudarstvom [Zemsky Cathedrals in the management system of the Russian state]. *Ogaryov-Online [Ogarev-Online]*. № 12.
17. Tojnbi A., 2019. Postizhenie istorii [A Study of History]. Moscow.
18. Truntyagin A.A., 2010. Politicheskie partii i demokraticeskoe pravlenie [Political parties and democratic governance]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]*. № 3.
19. Hantington S., 2003. Stolknovenie civilizacij [The Clash of Civilizations]. Moscow.
20. Shpengler O., 2017. Zakat Zapadnogo mira. Polnoe izdanie v odnom tome [The decline of the West. Complete edition in one volume]. Moscow.
21. Yackova A.P., 2012. Zarozhdenie idej konstitucionalizma v Rossii (XV—XVII vv.) [The origin of the ideas of constitutionalism in Russia (XV—XVII centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. № 3.
22. Woodberry R., 2012. The Missionary Roots of Liberal Democracy. *The American Political Science Review*. Vol. 106. No. 2.
23. Huntington S., 1993. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. Vol. 72. No. 3.